

* * *

В цветочном горшке
кактус
непринуждённо,
с тактом
отращивает колючки.

Я – тоже в горшке
бытийном,
образе
мультимедийном
отращиваю колючки.
Строчки.

* * *

Чувство моё сиротливое, выцвело?
Так, скажи!
Мне променять бы тебя у старьёвщика
на бельевые прищепки длинные
или ножи.

А может тебя упрятать
в старинный пыльный комод,
где валяются лоскуты от закройщика,
туда, где никто не увидит
и не найдёт?

Что ты молчишь?
Прежде пело, кричало, в небо рвалось,
гарцевало лихо на рыжих кометах,
Звёзды руками хватало голыми...
Что, обожглось?!

Чувство моё одинокое,
слышишь, поют ветра.
Под песни эти
тебя припрячу, поистерю, поплачу,
водицы налью в надежде,
что различу, кожей почувствую
Шёпот луны из ведра:
– Радуйся, милая,
Высшим дарам!

* * *

Полночь
глазастым
яблоком
лунно глядит по-над.
Съёжилась,
очень зябко мне.
Страхами дом богат.
Белой дорожкой выслана
улочка вдоль двора.
Выстрадавшая
истина
ластится

до утра,

Душу мою баюкает:
«Баюшки-баю, спи...».
В такт домовой аукает,
аукает и сопит.
Тихо.

Тревожно.
Маятно.

Прячется жизнь в ночи.
Стать бы как в детстве –
маленькой,
на русской прилечь печи.
Вдыхать ароматы травные,
грезить чудесным сном,
что-то большое,

главное
при-у-беречь
... на потом.

* * *

*Я старинную нежность снесу на чердак,
Чтоб её не нашли беспризорные дети.
Л. Мартынов*

Что там, дети! Пригляду побольше за ними,
Да побольше их чтением книг загрузить.
Не пускать на чердак, пусть довеку отныне
Не имеют желанья старьё ворошить.
Но, вот с нежностью, с ней...

даже вовсе неловко,
Ей пристало ль томиться в тенётных углах...
Где прищепы вцепились навечно в верёвку,
За ненужностью брошенные впопыхах.
Где прабабкина шляпка, выдавшая виды,
Где старинный, окованный медью сундук,
Где за век позабывший любовь и обиды,
Разжиревший от мух и от мошек паук.
Что же с нею, треклятою нежностью, делать?
Без неё одиноко и сердце саднит...

Как, ни руки, ни ноги не могут без тела,
Так без солнца и месяца ночи и дни.
Что же с нею – поющей ли, плачущей – будет,
Если в пыльном комоду на полке лежать,
Коль одни только серые мыши, не люди
Будут слышать, смотреть на неё, осязать?
«Я ...снесу на чердак...», –

Ах, Мартынов, Мартынов!
Ветром душу верни в тот далёкий из дней,
В тот, где строчкам твоим

никогда не остынуть, –
Враз пропитанным нежностью терпкой моей!